

Владимир АРИСТОВ

Владимир Аристов родился и живет в Москве. Окончил МФТИ, доктор физико-математических наук. Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Комментарии», «Иностранная литература», «Арион», «Воздух», «НЛО» и др. Автор пятнадцати поэтических сборников, двух романов и пьесы. Литературные премии: им. Алексея Крученых (1993), Андрея Белого (2008), «Различие» (2016). Предыдущая публикация в «Волге» – стихи (№ 11-12, 2020).

Рассказы из цикла «ЖИЗНЬ НЕЗАМЕЧАЕМЫХ ЛЮДЕЙ»

Страсбург

Он обещал им, что дойдет до Страсбургского суда, и он это сделал. Вот оно здание суда перед ним, флаги международные колышутся тихо в предвечернем майском воздухе. Рядом по платановой аллее пробежало авто, заброшенное из XIX века, вестимо. Собственно, с этого века все и началось. Когда он, скромный преподаватель филфака, представил на суд своих старших коллег свою кандидатскую диссертацию. Где он посмел, а лучше сказать дерзнул сопоставлять произведения Пушкина с вещами Марлинского, Вельтмана, Булгарина, и иногда не в пользу первого. Ему сразу заявили, что у вас тут даже не компаративистика, а литературная критика, как будто вы находитесь где-то в 30-х годах позапрошлого века. Очнитесь! Да и вообще, мнимый аморализм Александра Сергеевича давно разоблачен. Вы повторяете зады реакционнейших акул пера, похороненных в памяти народа. Вы по какой специальности собираетесь защищаться? Такой специальности нет. Он пытался им сказать, что от солнца русской литературы не убудет: если от нашего всего, то есть от бесконечности, отнять небольшую часть, то она все равно останется бесконечностью. Что раз это солнце, то оно должно уделить хотя бы пучок своих лучей и своим (пусть даже бывшим) литературным собратьям. Не надо бояться, что это бросит тень на кого-то. Это будут тени его реальных современников.

Он долго добирался сюда из довольно близкого Карлсруэ: шел пешком, ехал на перекладных. В дороге посмотрел (возможно, это было лишнее или даже слишком) по интернету фильм «Видок». Фильм ему не понравился, и не из-за игры актеров, а, наверное, потому, как он подумал, что там никак не была упомянута Россия. Тут он вспомнил, что исполнитель главной роли, то есть Видка, известный Депардьё, является подданным России. Хотелось ему сказать этому актеру: «Ну и Видок у тебя, Жерар!» – но он не стал этого делать. Чего стыдить человека без определенных принципов. Это все равно что говорить что-то своим филологическим коллегам, которые разослали письма во все инстанции и обещали поставить вопрос перед администрацией университета о неполном служебном соответствии. Но он сказал им, что если ему не дадут защищать диссертацию, то он будет защищаться другим способом. И он это делал, как мог.

И он решил совершить литературное паломничество: прошел от Москвы всю Россию, не забывая Белоруссию, до границы с Польшей, посещая все достопамятные литературные места. Из Минска он дошел до города Узды и добрался даже до бывшей усадьбы Булгарина, правда, когда он пытался местных жителей пытать, где здесь жил ваш земляк Фаддей, его не поняли, но, когда он догадался и спросил Тадеуша, ему показали место. Затем он пересек Польшу и, войдя в Германию, стал поклоняться и ее писателям, кому как мог. Но он помнил, что торжественно обещал коллегам, что дойдет до Страсбургского суда и подаст прошение о защите чести и литературного достоинства. И вот он перед ним, но оказалось, что он немного опоздал, и здание суда уже закрыто. Перед ним была ограда и явственно темнеющий вечерний воздух. Он взглянул на небо, на

котором стали появляться не затмеваемые сейчас солнцем второстепенные светила, и вспомнил дословно любимое место из «Поэзии и правды»: «Юпитер и Венера взирали на него дружелюбно, Меркурий – без отвращения, Сатурн и Марс ничем себя не проявляли; лишь полная луна была тем сильнее в своем противостоянии, что настал ее планетный час. Она-то и препятствовала моему рождению, каковое могло совершиться не ранее, чем этот час минует». Он обещал своим коллегам, что будет защищать свои права и свободы в суде. Хотя, подняв глаза, подумал сейчас, что свобода незащитима, ее не надо защищать, она и так сильнее всех. И он почувствовал, что вновь родился, но уже отчасти свободным.

Гендерный анализ

В редакцию одного гендерного журнала с уже сложившейся репутацией поступила статья, подписанная незнакомым автором. Это сетевое издание, посвященное гендерным проблемам, было достаточно широко известно, и многие рвались там опубликоваться. Кто туда только не писал: пенсионерки-любительницы, воины в отставке, бойскауты, бойбабы и т.д. и т.п. Редакционная политика сводилась к поговорке: «По одежке (т.е. авторскому имени) встречаем, по уму выпроваживаем». Действительно, отбор был строг. А эта статья была подписана столь безвкусным, явно искусственным именем и фамилией Инна Гендер, что не хотелось даже и заглядывать туда. Но заглянув все же один раз, не могли оторваться. Статья была интересная: эта Инна – и почему-то все не стали сомневаться, что так ее зовут – ставила вопрос остро. Что такое сетевое понятие гендер? Не в тривиальном смысле, что каждый обзывает себя, как хочет. Нет, вопрос был о будущем, которое при дверях. Инна писала о том, что сейчас, когда не только чувства передаются по проводам и без оных, когда понравившуюся вещь вам могут прислать в виде образа, и остается его только распечатать на 3D принтере, когда секс on-line не за горами, особенно важно понять, кто мы в этих сетях и с кем можем там еще встретиться. Встретить не только много разноцветных полов, но и существо без признаков пола. Однако гендер его можно и нужно обозначить. Но как? Тут редакция приостановилась читать и призадумалась. В самом деле, такое им не приходило на ум, но сейчас пришло от какой-то неизвестной им Инны, и нельзя ли рассматривать такую проникшую к ним в сознание идею в качестве незаконного вторжения? Забеспокоившись, редакция запросила саму Инну, но та ответила, что административный кодекс, да и УК РФ не во всех сетевых областях действует, это она им как бывший юрист, т.е. юристка, подтверждает. Успокоившись немного, редакция стала читать дальше, но вскоре она натолкнулась на фразу, которая ее встревожила, – в статье было написано: «Если вы встретите минотавра, мирно пасущегося на просторах виртуального лабиринта, что же, вы сразу полезете к нему с мулетой, желая его уколоть, и как с ножом к горлу приставать: какова его гендерная идентичность? Нет, конечно, но вступите с ним в диалог и разными средствами, пусть даже лаской, попытаетесь прийти с ним к согласию и договориться, кто он такой, а кто вы, чтобы вас гендерно все же различить». Тут редакция призадумалась и решила вступить в аналогичный диалог с Инной, написавшей статью.

Немного вредная мечта

В конце девятого класса учеников попросили написать краткое сочинение на тему «Кем бы я хотел быть». Тема вполне законная. Не то чтобы это был соцопрос, но что-то вроде этого. Поэтому не удивились, когда некоторые написали свое сочинение или, наверное, лучше сказать короткое эссе, в форме резюме. Комиссия, созданная из лучших учителей школы, с понятным интересом не очень долго, хотя и внимательно изучала эти сочинения. Многие не удивило, понятно, что попадались формулировки «Хочу быть топ-

менеджером» или «Хочу стать лидером партии», встречались и отдающие анахронизмами желания: «Хочу стать строителем будущего». Но одно сочинение под названием «Хочу стать сенатором (США)» вызвало особое внимание и где-то беспокойство. Особенно возмутило, а некоторых прямо, что называется, взбесило, что ученик поставил последнее слово в скобки. Написал бы скромно «Хочу стать сенатором США», и вопросов почти что не было бы. Но он, видите ли, написал вначале «сенатором», а потом, чтобы, неровен час, не подумали, что нашим сенатором, уточнил в скобках. А чем наш сенатор ему не понравился? Человек с достойной зарплатой, и потому является уважаемым членом общества. Тут многие из учительского состава задались вопросом, резонным с их точки зрения, почему он не написал «Хочу стать конгрессменом»? Некоторые предположили, что он из похожей на западную политкорректности решил не использовать вообще слово «мен», чтобы никто не подумал, например, о «нацмене». Другие предположили, что ученик думает, что «сенатор» и «конгрессмен» принципиально разные вещи. Третьи – и их было большинство – высказали суждение в пользу того, что ученик прекрасно осведомлен о верховном законодательном органе США и сказал о сенаторе, предполагая оказаться в высшей касте. «А вот мы сейчас его самого спросим», – сказали все и позвонили ученику по мобильному, но телефон того был предусмотрительно отключен. Тогда жаркая дискуссия разгорелась между директором и завучем старших классов. Один из них сказал, что написать о заведомо ложной и неосуществимой мечте не очень хорошо. Допустим, ученик напишет, что хочет стать президентом, допустим, США, но для этого надо хотя бы родиться на территории этой страны. Но другой из дискутирующих возразил, что, во-первых, мы не знаем точно, где этот ученик родился, а во-вторых, такая якобы неосуществимая мечта тебе помогает, в некотором смысле являясь как бы помочами, а в дальнейшем вообще может стать твоим социальным лифтом. Анна Петровна, завуч младших классов, с высоты птичьего полета своего ума с некоторым недоумением смотрела на жарко спорящих. Вот они сказали друг другу: «Поспорим, что...», но не нашли отчетливо предмета спора. Она все ждала, кто из них первый скажет банальность вроде «мечтать не вредно», но они все не говорили и не говорили. А решили разрешить свой неразрешимый спор борьбой на руках. Анна Петровна ждала, когда они назовут эту борьбу нерусским, неродным словом «армрестлинг», но они словно бы забыли о такой возможности. Два этих потенциальных борца на руках оценили силы друг друга, увидели, что одинаково мускулисты, и борьба может затянуться, поэтому решили просто посмотреть друг другу в глаза. Анна Петровна закончила в свое время Московский госуниверситет, и поэтому на все могла взглянуть помимо своей и с другой точки зрения. Она, например, знала о любви не только с практической стороны, но и с теоретической и общефилософской. Она знала об эмпиреях. Она знала, что каждый человек мечтает, но не каждую мечту можно довести до ума.

Маленькая комедия

Это были два лица обоего пола. Застигнутые стихией в гостинице, они оказались почти в полной изоляции. По условиям карантина ни он, ни она не могли покидать каждый свой номер. Он был когда-то делегатом съезда исчезнувшей политической партии. Она дояркой со стажем. Сейчас каждый пребывал в своем предпенсионном, близком к бытовому блаженству возрасте. Причем кто-то из них не ждал от жизни уже ничего, но хотел всего и почти сразу. Другой испытывал противоположные чувства. Он видел ее один лишь раз и знал, что она навечно теперь живет в соседнем номере. Но в условиях глухой изоляции. Она, по-видимому, видела его тоже около одного того самого раза. Теперь в полном одиночестве он грыз себя локти, что не спросил ее хотя бы e-мэйл адреса. Правда, иногда он испытывал ответные угрызения совести, которая спрашивала его, что он мог бы написать такого незнакомому человеку иного пола? Но он отвечал ей в

момент передышки, когда она уставала его грызть, что сейчас все люди породнились в условиях всех захлестнувших и затопивших событий. Пытался он перестукиваться с ней через стену номера, но здание было, наверное, сложено в доисторическое время и плохо пропускало малейшие звуки. Единственное, что он обнаружил, что когда включал у себя музыку на полную мощность – на своем переносном компьютере – то что-то как будто проникало в ее соседний номер, потому что он слышал, правда, едва уловимо, что она заводила свою музыку, но в такт его, и когда он прекращал, то и она прекращала – давая понять, что слышит его. Правда, тут раздался удар в дверь его номера, и кто-то, наверное из администрации, довольно грубо спросил его по-английски, а чего это он безобразит, на что он резонно ответил, что попробовал бы тот посидеть в изоляторе, еще неизвестно тогда, кто бы больше безобразил. Но стал все же заводить свою музыку немного тише, и слышал, что в соседнем номере так же отзываются, хотя совсем уж еле слышно на его призыв. Но выйти из номера он не мог – ключи были отняты. Балкона в номере не было, а окна закрыты наглухо. Работал, правда, кондиционер, но в нем мало было толку. У него в портфеле была лазерная указка, и он подумал, что если попробовать светить ей через стекло в соседний дом, то в окнах его что-то отразится, и она, подойдя к окну, что-то увидит и поймет. Но мечте его не суждено было сбыться. Хотя он, зная азбуку Морзе, хотел ей таким световым письмом сообщить кое-что из своих чувств. И что-то он попробовал в сумерках, предполагая, что все-таки что-то она уловила. Но ночью дверь его взломал российский спецназ, чтобы срочно эвакуировать его на родину из этой дышащей во все свои поры вечерней свежестью экзотической страны. Когда вертолет совершал прощальный круг над городом, он заметил на облаках слабые отблески и вдруг понял, что это, наверное, лазерное послание ему. Но видимо за этот вечер она с помощью интернета не слишком хорошо изучила азбуку Морзе, и поэтому ее письмо на облаках было хотя и искренним, но почти неразборчивым, и найти в нем проявления ответных чувств было не очень легко.

Книксен

Роман Ш., когда его забирали в больницу скорая помощь, сумел захватить с собой лишь одну первую попавшую под руку книжку, только потом он разглядел, что это был англо-русский словарь. «Дело твое, конечно, добровольное, – сказала ему скорая, – скорей всего, ничего серьезного. Но главное тебе там – понравиться врачам, и тогда они тебя быстропустят». Так как ожидать прихода врачей пришлось долго, то Роман был рад и этой технической – как ему казалось – книге. Но потом он быстро понял, что это далеко не так. Ведь на двух развернутых страницах было всего лишь каких-то 40 слов, но каких! С одной стороны, их можно было прочесть быстро, но с другой стороны, перечитывать, не уставая. Роман Ш. понял вдруг, что надо читать словарь как поэму. Каждый разворот – это как бы отдельная часть из сорока слов, их надо запомнить наизусть, и тогда все пойдет как по маслу. Он открыл наобум книгу и на 440-й странице сверху прочел слово “reverence”. Ясно было, что в нем сидит некий «реверанс», и действительно первые слова перевода были «почтение», «благовование». Хотел он было пойти по словарю дальше, но какое-то слово из другого языка словно бы сделало ему реверанс и пригласило к себе, и погрузило в недалекую еще пучину воспоминаний. Когда американский президент Никсон решился посетить Москву после особого приглашения, это вызвало в Москве легкое чувство законной гордости, постепенно переросшее в чувство ответственности. Приготовительные меры к этому событию некоторые полусознательные жители Москвы быстро называли «книксон». Тут же от всех потребовали снять с бельевых веревок на балконах нижнее белье, о верхнем и речи не шло. Особое внимание уделили трусам в звездочку или в полоску. По отдельности они не могли представить опасности. Но от быстроты передвижения по городу у президента могло зарябить в глазах, так что все

трусы могли наложиться друг на друга. Кроме того, из-за развевающегося белья жители могли не увидеть президента и тех, кто рядом с ним. И не понять основного посыла: «вот посмотрите, я такой же, как и вы, человек – две руки, две ноги, две головы». Тут Роман Ш. понял, что с головами по инерции он позволил себе лишку и почему-то ощупал свою голову с нескольких сторон. Но такое ощупывание самого себя – где-то совсем рядом с мыслью – пробудило в нем тревожное ощущение, переросшее в нем в более уверенное чувство. Его оставили лежать под одеялом в одних трусах, и он понимал, что они у него содержали, не имея в виду никакой официальной символики, и то, и другое. И это могло не совсем понравиться врачам. Хотя только человек с большим воображением мог увидеть это там, но Роман Ш. предполагал, что среди врачей вполне много таких особей. Вообще-то трудно было принять на его трусах светлые пятна размером в галактику за звезды, и линии, извивающиеся, как змеи, за полосы. Но на всякий случай с тех самых пор он их не снимал и почти никому не показывал. Не было все же уверенности, что врачи, готовящиеся вот-вот войти в палату, не потребуют сбросить это одеяло, и будут говорить, что не трусы их интересуют. Осадок зрения от них, правда, тщательно заштопанных, останется у тех врачей навсегда. И он снял дорогие его телу трусы и повесил, не найдя лучшего места, на батарею парового отопления, на которой, впрочем, висели и сушились другие трусы его соседей по палате. И он понял, что должен завернуться в одеяло и, помянуя слова скорой, постараться понравиться врачам, одновременно отвлекая внимание их от тех трусов. И тогда его книксен в одеянии из одеяла будет выражением высшей приязни. Пусть даже на секунду врачи подумают, что он больной женского рода. Ничего страшного – он исполнит свой долг вежливости и привлечет ненадолго – именно, что ненадолго – их внимание. При этом не теряя скромности, чтобы они не подумали, что он тянет одеяло внимания на себя. И тогда несомненно поймут, что он выражает им лишь свое почтение и благоговение.

Снежные фантазии

Все знали, что Вера Сказачкова любит снег. Поэтому почти никто не удивился, узнав, что она собирается лепить снежную Венеру. Правда, кое-кто спросил ее: «А почему ты лепишь Венеру, а не Афродиту?» Но она ответила любопытным: «Да из этого имени, как из духовки, такой Африкой тянет, что какой уж тут снег, не говоря о льде». «Ну и когда ты поставишь изваяние на всеобщее обозрение?» – спрашивали ее, но она молчала до времени. Втайне она надеялась представить свое творение-детище на объявленный недавно конкурс снежных баб России. Но для этого ее Венера должна была стать почти верхом совершенства. У Веры было незаконченное высшее художественное образование. Когда-то одну из ее студенческих скульптур похлопал по плечу один из маститых. Вера стала даже популярной, но тут у нее появился муж. Большую часть времени он лежал на печи в переносном смысле, и Вере пришлось работать за двоих, приостановив свое искусство. Хотя она о своем призвании не забывала и пыталась совместить его со своей тягой к снегу, после долгих мытарств ей удалось устроиться на радиостанцию «Снежное королевство». Муж ее утверждал, что его карьера закончилась после того, как она вышла за него замуж – «после ее выходки», – как он говаривал. «Она меня остановила на скаку, – говорил он другим, – когда я несся во весь опор, появилась она. Какой уж тут карьер и тем более аллюр. Мне оставалось только стать рабом ее привычек». Поэтому она не удивилась, когда муж робко спросил ее, может ли он стать поднощиком снежных снарядов для нее. И милостиво согласилась. Но на более неосмотрительный вопрос, может ли он подавать ей советы, ответила ледяным молчанием, выражавшим – он знал это – высшую степень несогласия. Все спрашивали Веру, будет ли ее Венера образцом женской красоты, и она уверяла, что да, но не в классическом смысле и понимании. «Ты будешь отсекай все лишнее от снежного шара?» – интересовались некоторые знакомые.

«Нет, Венера будет как бы сама выращивать все необходимое, рождаясь из снежной пены», – объясняла Вера непонятливым. «Я представляю при этом пену для бритья», – вмешался в разговор Верин муж. «Я же тебе запретила подавать мне советы или образы, – резонно заявила она ему, – последний раз тебе это позволяю. Из пены для бритья вокруг твоей бороды не может родиться умного или привлекательного лица, тем более что мне бородатые Венеры не нужны, да и сомневаюсь, что пройдет она по конкурсу». Когда кропотливая работа подходила к самому концу, стала она задумываться, как перевести свое снежное произведение к месту проведения конкурса. Понятно, что ни один самолет не взялся бы за такое дело. Тем более, что место выбрали соответствующее – между Нарьян-Маром и Сыктывкаром. Но там сейчас как раз была оттепель, и никто из участников не хотел, чтобы с тонкого носа его снежной принцессы свешивались сосульки и чтобы, допустим, изящная снежная талия истаяла на глазах. Некоторые предлагали основать компанию «Борей» и дышать холодом в ту сторону, но другие говорили, что этого недостаточно, а нужен «Гиперборей». Наконец догадались врубиться в вечную мерзлоту, и там при свете светляков, не дающих тепла, в особой пещере расставить снежных женщин. Так что это могло быть привлекательным и для светских дам – продемонстрировать свои искусственные меха и подлинные драгоценности, которые будут переливаться неземным светом и соперничать красотой с произведениями снежного искусства. Тут, правда, довольно неожиданно поступил запрос от общества «По защите достоинства снежного человека» – в письме на имя председателя утверждалось, что члены общества встретились недавно, можно сказать столкнулись лицом к лицу со снежным человеком, и тот, к великому изумлению, оказался женщиной. Так вот нельзя ли ей, тем более на правах старожилки, тоже поучаствовать в подземном конкурсе красоты? Общественникам объяснили, что, во-первых, это никак не конкурс красоты, а во-вторых, ходить по снегу и оставлять там босые следы не значит еще быть настоящим снежным человеком. Но все же, если та, которая выдает себя за снежную женщину, найдет себе подходящую пару, то эта чета может быть приглашена на вернисаж, но вовсе не для того, чтобы стоять на пьедестале рядом с почти нерукотворными снежными созданиями.

После всех долгих перипетий удалось все же договориться с рефрижератором, и через много дней пути белоснежная Венера была доставлена в подземный дворец мерзлоты. Многие снежные женщины (настоящие, не самозванки какие-то) стояли уже на своих постаментах. Вера прошла между их рядами. Некоторые наивно напоминали первобытные образы каменных красавиц. У некоторых более современных снежных статуй подмышкой торчали эскимо на палочке вместо термометра, было видно по всему, что холод там стоял нешуточный и где-то даже собачий, поскольку на некоторых эскимо были видны следы зубов – кто-то проверял твердость этих абсолютно холодных сейчас предметов.

Вера подошла и к своей Венере, которая была уже воздвигнута на пьедестал и стояла, сохраняя полное свое снежное, но отнюдь не ледяное величие. Вере она очень понравилась, и она обняла ее со всех сторон. Понимая все же, что надо временно оставить конкурсантку, чтобы она свыклась со своим положением. Муж, некстати затесавшийся, тоже хотел распахнуть свои объятия, но был отогнан, словно представитель иной цивилизации.